

Проверка ран означала, что придется раздеться догола. Крайне неловко оставаться одному в таком виде, пусть мы оба и мужчины, но внешность этого Гу Цинхэна... она даже превосходит красотой Фэн Иня.

Разумеется, возражения были бесполезны. Под выразительным, ледяным взглядом Гу Цинхэна я послушно улегся на кровать...

Ничего не поделаешь, даже кролик, загнанный в угол, способен укусить, что уж говорить о человеке.

— Сыжань, человек подобен небожителю... — я усмехнулся собственной нелепой страсти. — Не стану скрывать от тебя, Гу Цинхэн, я, кажется, влюбился в того, кто так далек от мирской суеты. Но если бы такой человек существовал на самом деле, он бы даже не взглянул на такого грубияна, как я, не говоря уже о каких-то чувствах.

Гу Цинхэн ничего не ответил. Тщательно осмотрев мои раны, он сухо заметил, что ничего серьезного нет, пообещал завтра снова сменить повязку и, сложив руки в приветственном жесте, откланялся.

Я проводил взглядом его удаляющуюся фигуру, и в памяти всплыли обрывки воспоминаний. Уголки моих губ растянулись в многозначительной улыбке, а в голосе послышалась тихая насмешка:

— Гу Цинхэн... Гу Цинхэн, неужели ты думаешь, я тебя не узнал? Ха... однажды я вспомню всё, до мельчайшей детали.

Эх, все печали разом навалились, говорят, горе можно утопить в вине, но вина-то нет.

Я налил чаю, медленно потягивал его, смакуя вкус. Время незаметно утекало, луна медленно клонилась к закату, вскоре умолкли насекомые, а на горизонте занялся бледный рассвет. Навалилась дремота, и я прикорнул прямо за столом.

Вскоре меня разбудило не самое нежное потряхивание той девушки. Дальше — поход в гостиную, еда, потом снова смена повязок и лекарства, бесконечная суета. Наконец, я взял маленькую деревянную табуретку, сел снаружи и, глядя на порхающих вдали бабочек, почувствовал, как веки наливаются тяжестью.

К счастью, подросл Фэн Инь. Едва я закрыл глаза и свесил голову, как уткнулся в его плечо. Не приди он, я бы непременно приложился лбом о землю, усыпанную камнями — неизвестно, что бы тогда стало с моей головой.

Фэн Инь не рассердился, лишь привычно улыбнулся и позволил мне опираться на него. Я погрузился в глубокий сон, и на этот раз случилось нечто странное: в моем сне был Гу Цинхэн.

Но... увидев происходящее, я почувствовал, как внутри закипает ярость.

Кто-то вцепился в подол одежды Гу Цинхэна, преследуя его по пятам и радостно выкрикивая: Сыжань, Сыжань.

Холодный душ реальности мгновенно погасил мой беспричинный гнев. Я схватился за голову: кто этот человек? Я его совершенно не знаю, и это точно не я...

Картинка сменилась. Солнечный день, судя по убранству, это княжеская резиденция. «Я» нынешний держу Гу Цинхэна за руку и глупо улыбаюсь.

— Сыжань, я так, так сильно тебя люблю! Давай будем вместе? Я спрячу тебя в таком месте, где только я смогу тебя найти, тогда отец и остальные не отыщут нас, не будут нас бить! — закончив, «я» крепко обхватил его за талию и, подобно коту, начал тереться головой о его пояс, выпрашивая ласку.

Меня словно поразило громом. Я застыл, не в силах пошевелиться.

Эта невинная улыбка, этот заискивающий тон... он что, еще ребенок?

Безобразие! Как он смеет носить мое лицо, пользоваться моим телом, говорить такие глупости и совершать такие ребяческие поступки? Это определенно не я!

Еще больше меня ошеломило то, что Гу Цинхэн с улыбкой погладил меня по голове и кивнул в знак согласия!

А потом я и вовсе остолбенел.

Другой «я» с восторгом припал губами к его губам, руки Гу Цинхэна обвили вокруг моей шеи, а «я» легко подхватил худощавого Гу Цинхэна на руки, уложил на кровать и, словно драгоценность, принялся медленно расстегивать его одежду, осыпая поцелуями.

Длинные ноги оплели талию, тело покрылось испариной, ногти вонзились в спину до крови, выражение лица невозможно было разобрать — то ли боль, то ли наслаждение. Даже закусив губы, он не мог сдержать стонов, сливаясь в единое целое — от такой картины кровь прилиwała к лицу.

Это... кхм, никогда бы не подумал, что холодный внешне, но страстный внутри Гу Цинхэн может быть таким соблазнительным.

Стоп! О чем я вообще думаю?

Видение снова сменилось. Гу Цинхэн играет на цитре у подножия утеса, а «я» стою за его спиной, обхватив за плечи:

— Сыжань, Сыжань, смотри, теперь только я могу тебя найти. Я так долго искал это место.

Гу Цинхэн опустил глаза и едва заметно улыбнулся.

Снова смена картинки. Судя по обстановке — снова княжеская резиденция. Я схватился за пульсирующий висок и вздохнул.

Что это за истерики, почему «я» снова цепляюсь за подол его одежды, не давая уйти?

— Отпусти. С меня хватит. В твоих глазах и в твоём сердце есть только господин Сыжань, для меня там не осталось места, — сказал он, исполненный необъяснимой скорби. Решительно вырвав подол из моих рук, он схватил узел и быстро зашагал прочь, не обращая внимания на крики за спиной.

— Сыжань, не уходи! Сыжань... Сыжань... не уходи... — кажется, обессилив от рыданий, «я» упал на землю и тихо заскулил: — Цинхэн...

Ах, только потеряв человека, понимаешь, что в твоём сердце появилось место для кого-то ещё.

Этот день прошёл в полудреме. Как только стемнело, в дверь постучали. Я сразу понял, кто это.

Разумеется, это был Гу Цинхэн. Он пришёл менять повязку. Я послушно разделся и лёг на кровать, позволяя ему делать своё дело. Когда он закончил и собрался уходить, я внезапно схватил его за запястье и дернул на себя. Он потерял равновесие и упал прямо на меня. Я приподнял его подбородок и, не говоря ни слова, приник к его алеющим губам. Язык проник внутрь, и он покорно ответил на поцелуй. Я отстранился, лишь когда он начал задыхаться. Он метнул в меня яростный взгляд и, не раздумывая, отвесил пощечину. Я не уклонился, приняв удар всей силы — щека мгновенно вспыхнула от боли.

— Ван, ведите себя достойно! — Гу Цинхэн, разъяренный от стыда, собрался уходить, но я все ещё держал его за руку, так что просто так уйти ему не удалось.

Я вскинул брови, ничуть не смутившись:

— Раз уж мы поцеловались, к чему теперь это достоинство?

— ...Ты! — он задохнулся от гнева.

— Я...? — я рассмеялся, делая невинное лицо, а затем уже серьезно добавил: — Цинхэн, хватит. Может, раньше я и был неправ, но я правда люблю тебя. Вернись ко мне, а?

Вернись ко мне. Может, ради тебя я даже смогу отказаться от своей ненависти.

— Ты... вспомнил? — Я кивнул. Только тогда он поверил и тихо проговорил: — Вернуться к тебе? — он горько усмехнулся. — Ван, это мне следует сказать, чтобы вы перестали дурачиться. Вы смеете утверждать, что в вашем сердце нет Сыжаня? Смеете сказать, что, зная, кто я, вы ни разу не принимали меня за него?

— Я... хотя Сыжань в моем сердце есть, я люблю тебя. К тому же, я знаю, кто ты. Ты... — я лихорадочно пытался оправдаться, но Гу Цинхэн прервал меня гневным криком:

— Довольно! Фэн Цзыцин, ты слишком эгоистичен! У меня уже есть любимый человек. Цин Лянь, ты ведь уже встречал ее, чудесная девушка. Я люблю ее, и в назначенный день мы поженимся.

Моя рука безвольно разжалась, я не мог поверить услышанному.

Цин Лянь... конечно, я встречал ее. Его ученица.

— Это же нарушение всех норм! — воскликнул я, совершая тщетную попытку оправдаться, забыв, что любовь между двумя мужчинами сама по себе не приемлется миром.

— Нарушение? Ха... Нарушение лучше, чем когда двое мужчин живут вместе, не так ли? — сказал он с насмешкой. Я бессильно опустил руки и смотрел, как он вырывается и уходит.

— Цинхэн! Я правда... люблю тебя. — Глядя, как он исчезает в дверях, я понял, что эти чувства уже не спасти и не исправить.

Он собирается жениться...

Стоило представить, что рядом с таким нежным человеком теперь будет женщина, которая займет место, когда-то принадлежавшее мне, как сердце сжала мучительная тоска.

Наверное, именно о таких, как я, говорят, что начинаешь ценить лишь после того, как потеряешь.

Налив чаю, я пил его залпом, словно вино, чувствуя, что сам перестал быть собой. В душе образовалась пустота.

Эгоистичен? Эгоистичен, да... оказывается, я настолько ничтожный и эгоистичный человек.

Говорят, если залить горе вином, оно станет еще горше, но с чаем, похоже, то же самое.

Хорошо, что завтра мы уходим. Но как я встречу с Гу Цинхэном и его невестой?

Посмотрев в окно, где небо усыпано звездами, а высоко в вышине плывет полная луна, я понял, что уже поздно. Посплю, а о завтрашнем дне подумаю завтра.

Я поднялся, дошел до кровати, сбросил накинутый на плечи халат и лег.

Будь то сон или тревожные мысли — лишь бы отвлечься от того, что терзает сердце.

Луна зашла, взошло солнце, и день, которого я так хотел избежать, все же наступил. Приведя себя в порядок, я отправился в гостиную к столу.

Глядя на изобилие вегетарианских блюд, на улыбающегося Фэн Иня и Гу Цинхэна, который вел себя так, будто ничего не произошло, а также на девушку по имени Цин Лянь, сидевшую рядом с ним, я начал закипать.

Я потер лоб, чувствуя бессилие: неужели... я ревную?

Фэн Инь обеспокоенно спросил:

— Цзыцин, ты плохо себя чувствуешь? Почему ты такой бледный?

Я сел за стол и натянуто улыбнулся, стараясь его успокоить:

— Фэн Инь, ты слишком волнуешься. Я просто плохо спал, а сегодня встал слишком рано, вот голова и разболелась. Ничего серьезного.

Раз он не сердится, когда я называю его по имени, то и я не буду утруждать себя титулом императора, тем более что лишние уши отсутствуют.

Фэн Инь понимающе кивнул и положил в мою чашку те блюда, которые я люблю. А там, на другом конце стола, Гу Цинхэн даже головы не поднял — в былые времена он бы уже давно пришел в восторг. Эх... зато когда Цин Лянь положила ему еды, он улыбнулся и ответил тем же.

Какая прекрасная пара. Глядя на эту нежность и воркование, мне стало противно.

Пока я изводил себя ревностью, Фэн Инь, наблюдая за этим, помрачнел, перестал накладывать еду и молча ковырял палочками рис, словно обиженный ребенок.

Обед прошел безвкусно, а после, обдумав все, я стал еще мрачнее. И результат закономерен — я сам во всем виноват.

Как только Гу Цинхэн и Цин Лянь закончили собирать вещи, они повели нас к утесу. Мы с Фэн Инем спустились сюда голыми руками, не захватив ничего важного, поэтому и подниматься придется так же.

Я поднял взгляд к вершине: пейзаж не изменился — все те же легкие туманы, синее небо, белые облака и ветер. Только исчезли зеленые лианы. В голове что-то вспыхнуло, сердце екнуло, и я украдкой вытер холодный пот со лба — кажется, я совершил нечто непоправимое...

Фэн Инь, заметив мои странные движения, лишь приподнял бровь, не став расспрашивать.

Я обернулся и увидел, как Цин Лянь с нежным румянцем на очаровательном личике вытирает платочком пот со лба Гу Цинхэна. Я невольно зажался.

Гу Цинхэн будто случайно бросил на меня взгляд, уголок его рта дернулся. Он взял платок из рук Цин Лянь и принялся вытирать ей пот той стороной, что еще не намочила, от чего лицо девушки покраснело еще сильнее.

Мои руки, спрятанные в широких рукавах, сжались в кулаки, а затем разжались. Я был в ярости. Он специально! Он точно делает это специально!

Но что я могу? Какое право имею вмешиваться?

Разжав кулаки, я тихо фыркнул и отвернулся. В конце концов, с глаз долой — из сердца вон, не так ли?

— Дядя-император... — тихо позвал Фэн Инь, его лицо было непроницаемо.

Это давно забытое обращение заставило меня вздрогнуть. Я, не задумываясь, почтительно отозвался: «Я здесь», но ответа не последовало. Спустя время я поднял глаза и с сомнением спросил:

— Император что-то хотел от своего подданного?

Фэн Инь смотрел на меня тяжелым взглядом, который задержался на моем лице довольно долго. Затем он едва слышно, с какой-то безнадежной грустью, вздохнул и прошептал:

— Ничего.

Я дернул уголком рта, выдавив подобие улыбки:

— Вот как...

Что за день такой? Почему мне кажется, что небо только и делает, что потешается надо мной?

Двое впереди неспешно прогуливались, держась за руки, и не видели в этом ничего предосудительного. Казалось, они просто вышли на прогулку, а заодно спасли упавших с утеса Фэн Иня и меня — никакой иной цели.

— Вот здесь начинается путь наверх, — Гу Цинхэн вежливо улыбнулся, объясняя Фэн Иню. — Хотя путем это назвать трудно, придется карабкаться по лианам. — Он обернулся, и улыбка исчезла. Его лицо заледенело, и он пробормотал: — А где лианы?

Я натворил дел...

Я начал судорожно вспоминать, что же такого сделал. Точно, вот оно что.

Я вытащил из густой травы под ногами ту самую зеленую лиану, выдавил из себя сухой смешок и осторожно спросил:

— Цин... Государственный наставник, не эта ли лиана нужна была вам?

Все трое уставились на толстую, почти в запястье человека, лиану в моих руках, а потом на меня. Их удивленные лица стоили того, чтобы увидеть... Спустя долгое время Гу Цинхэн наградил меня яростным взглядом. Фэн Инь, сохраняя спокойствие, закусил губу, его глаза лучились едва уловимым... злорадством? А Цин Лянь, в отличие от него, смотрела на меня так, будто готова была выцарапать мне глаза, сожрать живьем или стереть в порошок.

— Это ван уничтожил лиану? — холодно спросил Гу Цинхэн.

Видимо, впервые он говорил со мной таким тоном, и я разволновался:

— Я не уничтожал! Я просто... просто решил проверить ее на прочность, не подумал, что она оборвется от одного рывка. Я клянусь, это вышло случайно!

— Всего лишь? — недоверчиво переспросил он.

— Да он специально! — капризно заявила Цин Лянь, не забыв при этом одарить меня

очередным злобным взглядом.

Я проигнорировал Цин Лянь и энергично закивал, стараясь выглядеть как можно искреннее:

— Да, всего лишь так.

— Раз лиана оборвалась, как же нам теперь подняться? — неспешно поинтересовался Фэн Инь, в его голосе не было ни капли беспокойства.

— Есть еще одна дорога, но она слишком опасна, полна тяжелых испытаний. Не знаю, что об этом думает Император? — Гу Цинхэн сложил руки в поклоне.

Фэн Инь посмотрел на меня и небрежно бросил:

— А что думает Цзыцин?

— Все зависит от воли Императора, — я сдержал желание схватиться за голову и почтительно ответил.

Фэн Инь долго размышлял, прежде чем сказать:

— Тогда пойдем путем, который указал Государственный наставник.

Гу Цинхэн кивнул и вместе с Цин Лянь двинулся вперед.

Дорога петляла, пока мы не наткнулись на глубокую пещеру. В отличие от того места, где мы жили раньше — с пением птиц и ароматами цветов, похожими на обитель бессмертных — здесь царил настоящий ад Хуанцюань. Ни единого ростка, ни птиц, ни бабочек. Мрачно и жутко до мурашек.

Гу Цинхэн, видимо, бывал здесь раньше, его лицо оставалось спокойным. Мы с Фэн Инем — мужчины, нам и бояться вроде нечего, а вот Цин Лянь... что сказать, девица, да к тому же совсем юная, лет шестнадцати-седемнадцати. Разумеется, ее смелость не шла ни в какое сравнение с нашей. Она сглотнула, дрожа всем телом, и вцепилась в руку Гу Цинхэна, бормоча:

— Учитель... правда... правда нужно туда входить? Может, можно... обойтись без этого?

— Разумеется, иначе другого пути нет, — невозмутимо ответил Гу Цинхэн и добавил: — Ляньэр, не бойся, я с тобой, не позволю причинить тебе ни малейшего вреда.

Она благодарно улыбнулась, покраснела и, прижавшись к его плечу, выглядела как хрупкая

птичка, от вида которой начинали болеть глаза.

Фэн Инь, кажется, не выдержал этого зрелища, широким шагом направился вперед и первым решительно ступил в темную, похожую на разинутую пасть пещеру. Я достал из рукава огниво, высек искру и, не раздумывая, последовал за ним.

Шутка ли — а вдруг не пойти? Если с Фэн Инем что-то случится, то даже если я выберусь живым, вряд ли доживу до старости. Один тот факт, что я столкнул его с утеса, уже стоит мне головы.

В пещере было непроглядно темно и холодно до костей. Путь казался бесконечным. Фэн Инь, шедший передо мной, плотнее закутался в тонкую верхнюю одежду. Похоже, он замерз. Я снял с себя халат подходящей толщины и накинул на него. Фэн Инь благодарно улыбнулся, и я замер — кажется, уже несколько часов он не улыбался мне так, как раньше.

Потянуло ледяным ветром. Я обхватил себя руками, стиснув зубы, чтобы не дрожать.

Хорошо, что мой организм закален, иначе в ту же секунду, как я снял халат, холод бы пробрался до костей и я бы тут же слег с простудой.

Примерно через час пути впереди показался свет. Это был предмет, похожий на круглое зеркало в рост человека — именно оно излучало сияние.

Фэн Инь протянул руку и слегка коснулся поверхности. Зеркало пошло кругами, словно водная гладь. Император приподнял бровь:

— ...Что это?

— Это сокровище Куньлуня, Императору не стоит беспокоиться, — пояснил Гу Цинхэн. — Нужно просто пройти через это духовное зеркало, не поддаваясь власти внутренних демонов, и вы вернетесь на утес.

— А что будет, если поддаться? — спросил я.

— Не цепляйтесь за желания, и все разрешится само собой. В противном случае последствия непредсказуемы, — Гу Цинхэн бросил на меня взгляд и ответил спокойно.

Не зря он Государственный наставник. Каков статный небожитель! Я невольно восхитился.

Сказав это, он первым шагом вошел в зеркало, пока его подол не исчез из виду. Цин Лянь последовала за ним. Фэн Инь посмотрел на меня, я ответил тем же. Не знаю почему, но при виде этого зеркала меня охватила беспричинная тревога. Нахмурившись, я пожелал Фэн Иню:

— Надеюсь, Император пройдет путь благополучно и не поддастся сердечным наваждениям.

Фэн Инь кивнул и улыбнулся:

— И тебе того же, Цзыцин.

Через мгновение его подол исчез в зеркальной глади.

Я смотрел на духовное зеркало. Из него исходили едва уловимые звуки небесной музыки, призывавшие меня войти, и именно этот чарующий зов вызывал у меня тревогу и беспокойство. Поколебавшись, я решил: будь что будет, лучше попытаться, чем стоять на месте. Сжав зубы, я шагнул внутрь.

Как только я оказался внутри, голова стала тяжелой, мысли спутались. Оглядевшись, я с изумлением обнаружил себя во дворе княжеской резиденции, окруженным детьми.

— Дядя-император снова витает в облаках... — пятилетний Фэн Инь вздохнул, подражая взрослым, и принялся хлопать меня своими пухлыми ручками, хотя это больше походило на щекотку.

Я пришел в себя и бросил на детей строгий взгляд. Маленькие принцы в испуге разбежались, сохраняя дистанцию, и только Фэн Инь не испугался — он продолжал стоять передо мной, теребя подол моего халата и ухмыляясь. Я отмахнулся от его пухлой ручки бумажным веером, не скрывая своего раздражения.

Черт, о чем я только что думал? Из-за этой суматохи все вылетело из головы.

Пухлая ручка снова ухватила за подол, большие круглые глаза уставились на спелый абрикос на дереве позади меня. Он указал пальцем и невнятно пробормотал:

— Дядя, дядя, хочу абрикос! Хочу тот большой красный абрикос!

Я взглянул на дерево, щелкнул веером и, не раздумывая, отрезал:

— Слишком высоко, я не достану. Хочешь — сам лезь и срывай.

<http://bllate.org/book/21938/2279242>